

Люди биробиджанского поколения

Биробиджанер Штерн 35(14607)

Этим очерком мы завершаем публикацию переводов путевых заметок Самуила (Шмуэля) Гордона, побывавшего в нашей области летом 1947 года. В небольшой сборник очерков «Биробиджанские старожилы» писатель включил рассказ о селе Бирофельд, основанном евреями-переселенцами в конце 20-х годов прошлого века, и ушумунской угольной шахте, железную дорогу к которой строили в послевоенные годы.

Пятьдесят один километр отделяет от областного центра село Бирофельд. По-разному преодолевали люди это расстояние в прежние годы. Точнее говоря, когда как: если в хорошую погоду, то за два-три дня, а по весне, когда таял снег, или летом в пору дождей, то за неделю, если не больше. Так, по крайней мере, рассказывали мне те переселенцы, которым в свое время не однажды и «по полной» пришлось испытать, что значит ездить дорогой, на которой тележные колеса то и дело чуть ли не по самую ступицу вязнут в липкой болотной грязи. Бедные лошадки!..

Теперь в Бирофельд можно поехать на поезде, который каждое утро отходит от биробиджанского вокзала. Каких-то два часа – и вы уже на месте. Если же ехать на машине, времени на дорогу уйдет и того меньше. Новое шоссе тянется по подножиям сопек сквозь густой лес, один за другим преодолевая подъемы и разгоняясь на спусках. Вглядываясь в окружающее пространство, невольно отмечаешь, что сплошная древесная растительность располагается здесь как бы двумя этажами: от самых обочин дороги все выше по склонам уходят заросли лиственных пород и кустарников, а на самых вершинах сопек темнеют хвойники, оторочившие волнистую линию совсем близкого горизонта...

Как раз на пятьдесят первом километре шоссе выходит к небольшому уютному вокзальчику новой железнодорожной станции Бирофельд. Слева от станции начинается дорога в переселенческий колхоз «Бирофельд» и в соседствующий с ним невеликий поселочек Бирского опытного поля, а в противоположном направлении в глубь заочкаренной равнины уходит неширокий, явно малоезжий проселок, ведущий к Ушумунской угольной шахте, по которому можно проехать туда только зимой. Проследовав по направлению к шахте километра полтора, наша машина останавливается: впереди – заболоченная низина. До шахты отсюда будет еще километров семь. Преодолеть это расстояние можно только пешком. Нет, не по воде и по грязи, а по уложенным по ним толстым бревнам, которые тянутся вдаль сплошной длинной линией – таким деревянным рельсом, который, если идти по нему, под ногами время от времени то подрагивает, то качается, то скользит. Шаг в сторону здесь будет, мягко говоря, совсем нежелательным.

– Ну что, Лейба? Пойдем? – стоя уже обеими ногами на толстом бревне, произносит Кальман Зевин, начальник Ушумунской шахты, обращаясь к Лейбе Мельману, который сидит в кабине «Москвича», как бы раздумывая, выходить из нее или не стоит.

– Нет, Кальман. Мы сейчас не пойдем, а полетим, – отзывается Зевину Мельман. – А ну, Цалик, – тронув за плечо водителя, продолжает он: – Привязывай-ка быстренько к своей машинке крылья!

– Есть привязать к автомобилю крылья! – резко выпрямившись на сиденье, по-военному рубит в ответ шофер.

– Да, Лейба, мысль таки неплохая. Пока здесь не проложили железную дорогу, было б здорово, сидя в машине, через все это болото перемахнуть. Ну а пока ты ничего лучше легковушки с крыльями не придумал, – переходя на серьезный тон, закончил фразу Зевин, – давай запрягать своих двоих.

– То есть туда пешочком и обратно тем же манером. Удивляюсь я на тебя, Кальман, – это ж на весь божий день такая экскурсия!

– А нечего тут удивляться. Я так и так тебя на своем острове почти до вечера продержу. А обратно... Ничего страшного – одну ночь и в Бирофельде переночуешь. Да и у нас там на шахте, если что, место найдется. Это, во-первых. А во-вторых, разве самому тебе не интересно посмотреть, как люди железнодорожную ветку укладывают?

– Так а мне куда и когда за вами заезжать, товарищ директор? – спрашивает водитель, уже готовый завести мотор.

– Завтра сюда и в это же время, – вместо директора ответил водителю Зевин и махнул ему рукой: поезжай, мол, на сегодня свободен. И с тем поднял с земли толстый сук и, обломав с него лишние ветки, превратил его в увесистую дубину – этакий дорожный посох. Мельман, выйдя из машины, следует примеру товарища. В путь!

Директор машинно-тракторной станции Лейба Мельман выглядит несколько старше и солидней Зевина, хотя им обоим за тридцать. Рослый и широкоплечий, он производит приятное впечатление человека мужественного и, может быть, отчасти самоуверенного, что нетрудно заключить по привычному выражению его лица, тону голоса и пристальному, как бы оценивающему окружающее взгляду черных глаз. Вся фигура Мельмана заставляет вас думать о том, что обычно именуют атлетическим телосложением.

Кальман в росте немного уступает Лейбе, но так же, как и он, крепок, строен и широк в плечах. Да это и не удивительно: оба молодых человека – типичные представители того поколения биробиджанцев, которые росли не под крышами теплых и уютных домиков, а в условиях, мало чем отличимых от походных, когда перед тобой – нехоженые пути и открытое небо над головой. Так что на долю обоих в избытке достало и проливных дождей, и палящего солнца, и ледящих утренних ветерков по зиме. Не так ли вырастают и могучие кедры в приамурской тайге? И сейчас, глядя, как легко, ловко, будто играючи, мои провожатые передвигаются по шаткой бревенчатой «черте», наискось перечеркнувшей зелено-голубое пространство болот, я не могу отделаться от впечатления, что под ногами у них – асфальт тротуара.

Рисунок Владислава Цапа

– Что я хочу тебе сказать, Кальман, – обернувшись к идущему за ним Зевину, нарушает общее сосредоточенное молчание Лейба. – Лично для меня сегодняшняя прогулка, уж поверь, большого удовольствия не доставляет. Врагам бы нашим по такой мостовой ходить.

– И не говори, Лейба! Но вот осушим болото – от этой «мостовой» и следа не останется. Да если б не война, мы бы с тобой сейчас в Ушумун по доброй трассе да еще и с ветерком катили.

– Э, если б не война!..

Тут Лейба останавливается. Все время глядя себе под ноги и будучи сосредоточенными на необычном способе передвижения, мы даже и не заметили, как приблизились к небольшому реденькому лесочку. За ним просматривались несколько телеграфных столбов, оттуда же до слуха доносились обрывки человеческих голосов.

– Видите? Это мы подошли к тому месту, где сейчас прокладывается та самая железнодорожная ветка, которая соединит бирофельдскую станцию с нашей шахтой, – пояснил Зевин. – Так что скоро к нам можно будет поездом «доставляться».

Через несколько минут, атакуемые роем надоедливых комаров, мы входим в лесок, где под ногами уже не хлюпает болотная жижа. Неожиданно откуда-то из высокой травы с шумом взлетает стайка фазанов и быстро скрывается из глаз.

– Эх, ружьишко с собой не прихватил! – инстинктивно хлопнув себя ладонью по правому плечу, досадливо морщится Мельман.

– Я тебе сегодня, так и быть, свою двустволку одолжу, – отзывается Зевин. – Там у нас возле шахты лес побольше и погуще, чем тут. Тайга почти что. Да и людей пока мало бывает. Ты лучше приезжай ко мне в гости зимой. Уж тогда-то мы с тобой власть поохотимся!

И вот уже новая бревенчатая «нитка» тянется под нашими ногами, уводя нас в сторону от лесного островка туда, где виднеются столбы телеграфной линии. Строители, работающие неподалеку от нее на прокладке ушумунской ветки, еще издали узнают моих спутников.

(Продолжение следует)